
Галина Аполлоновна

Титова

В Сингапур я ездила разбираться десять лет

В 1948 году я закончила юридический факультет МГУ и через год уехала с мужем в Германскую Демократическую Республику (ГДР), где начала работать юрисконсультом управления репараций Советской Контрольной комиссии в Германии (СКК).

Я занималась вопросами претензий по поставкам, производившимся в счет репараций в СССР из ГДР. Общая согласованная сторонами сумма репараций числилась на специально открытом для этого счете. При осуществлении поставок соответствующие средства списывались со счета, а в случае признания сторонами претензии сумма или ее часть восстанавливалась на счете.

Вернувшись в Москву, я поступила в 1955 году на работу в Центральное штатное управление Министерства финансов СССР, где столкнулась с вопросами регулирования оплаты труда некоторых категорий бюджетников, в частности в банковской сфере. Моим партнером по переговорам был сотрудник Госбанка Н. П. Альшев. Узнав, что я юрист, владею двумя иностранными языками и работаю не по специальности, он посоветовал мне перейти в Госбанк и посодействовал в этом. Кстати, в связи с моим ходатайством о переводе в Госбанк Министр финансов А. Г. Зверев заметил: «Впервые вижу человека, добровольно меняющего финансовую систему на банковскую».

В Госбанке я была направлена в Управление иностранных операций (УИНО) в отдел заграничных банков. Начальником которого был Андрей Ильич Дубоносов. С ним позже нас тесно столкнула судьба. Вскоре же после моего прихода в банк он возглавил в Лондоне Московский народный банк (МНБ).

В ноябре 1960 года произошла реорганизация УИНО Госбанка и Внешторгбанка, в результате которого УИНО почти в полном составе стало подразделением Внешторгбанка СССР. Председателем Правления Внешторгбанка был назначен Мефодий Наумович Свешников — заместитель председателя Правления Госбанка, а с 1969 года — Председатель правления последнего. Я же была назначена заместителем начальника Договорно-правового отдела Внешторгбанка.

Швейцария

Осенью 1965 года М. Н. Свешников пригласил к себе заместителя начальника Валютно-экономического управления Госбанка А. Н. Беличенко и меня. Он сообщил о решении Правительства СССР открыть в Швейцарии советский банк и предложил нам выехать туда для проведения подготовительных работ.

Г. А. Титова

1949–1952

Юрисконсульт
управления репараций
Советской Контрольной
комиссии в Германии (СКК)

1955–1957

Экономист
центрального штатного
управления Министерства
финансов СССР

1957–1960

Старший юрисконсульт
управления иностранных
операций (УИНО) Госбанка
СССР

1961–1975

Заместитель начальника
договорно-правового отдела
Внешторгбанка СССР

1975–1978

Старший референт
управления ресурсов Между-
народного инвестиционного
банка

Нам следовало открывать первый советский банк в стране банков! Их там и без нашего было свыше четырехсот, причем около сорока процентов с иностранным капиталом! Само собой разумеется, никакого представления о предстоящей работе у нас не было и мы не знали, откуда нам ждать помощи.

В банковской столице Швейцарии — Цюрихе, куда с нами на несколько дней поехал Свешников, нас встретила хорошо и сразу же представили Президенту Банка Швейцарии господину Вальтеру Швеглеру. Он пообещал нам всяческую поддержку и сразу же предложил на выбор трех известных адвокатов для оказания необходимой юридической помощи. Заметив, что один из них крайне правый, другой — крайне левый, а третий — «нейтральный». Мы остановили выбор на последнем — это был доктор Эрнст Эттер (кстати, «крайне левый» позже стал известен как адвокат Солженицына). Высококвалифицированный юрист доктор Эттер был также внимательным, доброжелательным человеком, с ним в дальнейшем у руководства нашего банка сохранились хорошие деловые отношения.

Позже, при проведении работ по открытию наших банков в ФРГ и Австрии, мы всегда пользовались услугами местных адвокатов, рекомендованных нам на самом высоком уровне. Это были специалисты, хорошо известные в деловых, особенно банковских кругах соответствующей страны, а также всегда приятные люди, с которыми было легко и очень полезно общаться. Добрые дружеские отношения с ними сохранялись и в дальнейшем. Кроме необходимых общений с официальными лицами мы установили и поддерживали весьма полезные контакты с руководством крупнейших швейцарских коммерческих банков.

После оценки разных вариантов создания советского банка было принято решение открыть его в Цюрихе. Это повлекло за собой определенные сложности. Столица страны — город Берн находится в 125 км от Цюриха. Именно там, естественно, сосредоточены правительство, орган управления и надзора за деятельностью банков — Банковская комиссия, а также все иностранные посольства, включая посольство СССР. В результате нам приходи-

1978–1986

Начальник юридического
отдела главного валютно-
экономического управления
Госбанка СССР

1997–2006

Юрисконсульт
департамента иностранных
операций Госбанка РФ

лось постоянно курсировать между этими двумя городами. Беличенко, отвечавший за все контакты по принципиальным организационным и политическим вопросам, постоянно находился в Берне, а я конкретными вопросами по открытию банка — в Цюрихе. В мои обязанности входило: общение и сотрудничество с адвокатом, вопросы подбора местных кадров, а также поиск подходящего помещения для банка. Все документы, касающиеся кадров, аренды помещения и другие готовил адвокат в соответствии с требованиями внутреннего законодательства.

Финансирование нашей работы проводилось через счет, открытый на мое имя в местном коммерческом банке. Поэтому и ведение всей бухгалтерии лежало на мне. Кстати, как и позже в ФРГ и Австрии.

Процедура подготовки открытия банка оказалась очень сложной, трудоемкой и длительной, причем нужно было решать целый ряд правовых и технических вопросов. Весь процесс распался на три части, а именно: — подготовка ходатайства в компетентный правительственный орган — Швейцарскую банковскую комиссию, о выдаче лицензии на открытие банка (обоснование цели, определение структуры, проекты основных внутренних документов банка — Устава и др.);

— подбор местного персонала, для чего необходимо было опубликовать в прессе приглашения на работу от анонимного банка (т. н. называемые инсераты), провести встречи и собеседования с претендентами и оценить их, подготовить представление и согласовать кандидатуры в надлежащем порядке, участвовать в подготовке адвокатом проектов трудовых соглашений;

— поиск помещения для банка, ведение переговоров об аренде, согласование ее условий с нашим руководством и участие в разработке соответствующих документов адвокатом.

Наконец, был предварительно, еще до получения лицензии, сформирован аппарат местных сотрудников банка. Согласно действующему законодательству он включал в себя двух швейцарских членов правления — это были два предпринимателя из Женевы, соответствующим образом рекомендованные нам швейцарской стороной.

В результате поисков помещения для банка договорились об аренде двух этажей в новостройке, находившейся вблизи от центральной улицы города — Банхофштрассе, где располагались центральные офисы ряда крупных банков. Название банка «Восток Хандельсбанк», предложенное господином Эттером под впечатлением полета советских космических кораблей, у нас «наверху» было одобрено. Банковская лицензия была получена в июне 1966 года в разгар летнего сезона отпусков. Адвокат Эттер отдыхал в это время на своей вилле в Альпах, на самой границе с Италией (граница между этими двумя государствами представляла тогда собой два шлагбаума с вывесками «швейцарская таможня» и «итальянская таможня»). Адвокат срочно вызвал меня туда, чтобы проинст-

руктировать о дальнейших действиях по организации банка. Дорога поездом заняла несколько часов и проходила по удивительно красивым местам: через Давос и Сан-Мориц. После состоявшегося инструктажа адвокат и его супруга (тоже известный адвокат) предложили отметить наш успех в ресторане, добавив при этом: «Пойдемте на ту сторону (т. е. в Италию), там лучше кормят». Их удивил мой ответ: «Да и завтра я буду отмечать успех нашего дела уже в Москве...» Адвокат Этгер погиб через несколько лет, сорвавшись со скалы во время прогулки рядом со своим домом.

Капитал банка составил 10 млн швейцарских франков, а его акционерами стали Госбанк СССР, Внешторгбанк СССР и несколько советских внешнеторговых объединений.

Мне пришлось вновь заниматься делами «Восход Хандельсбанка», когда в 1984 году он оказался в тяжелом положении, понеся серьезный финансовый ущерб. Направленная Госбанком в Цюрих первая комиссия, в состав которой входили также сотрудники Министерства финансов, долго не могла установить по документам банка причину возникновения таких убытков. Лишь скрупулезное расследование, потребовавшее больших усилий и даже стоившее жизни руководителю комиссии А. Р. Макаева — заместителя председателя Правления Внешторгбанка, позволило выйти на причастность к этому делу дилера банка В. Петерханса. Он проводил крайне рискованные валютные операции с использованием «двойной бухгалтерии».

Вторую комиссию, прибывшую в Цюрих для дальнейшей работы по этому делу, возглавлял председатель Правления Внешторгбанка Ю. А. Иванов. Я входила в ее состав. Следовало выяснить цели и детали действий Петерханса, а по возможности, и наличие у него определенных контактов. Комиссия провела много встреч с большим кругом авторитетных деловых людей — швейцарцев и других иностранцев, которые могли бы нам оказать помощь. Мне, кстати, было поручено обратиться к частному детективу — итальянцу, который, впрочем, не смог найти ничего компрометирующего в образе жизни самого дилера.

В результате было установлено, что Петерханс действовал не из корыстных побуждений, но надеялся путем своих операций добиться высокого и быстрого роста доходов банка, произвести впечатление на его руководство и серьезно повысить свой личный статус. К тому же, ему было известно, что и со стороны руководства банка также имеют место операции подобного рода. Руководитель банка Ю. Карнаух был срочно отозван в Москву и никакого участия в дальнейшем расследовании по делу, вплоть до его завершения судом над Петерхансом, не принимал.

Швейцарские власти, заботясь об имидже банковской системы страны, также занимались делом нашего банка и не установили в действиях Петерханса корысти. Вследствие этого суд в Цюрихе установил ему минимальный срок наказания — 18 месяцев тюрьмы, что позволило затем в соответствии с законом его амнистировать. По имеющимся сведениям,

Петерханс продолжал далее тихо жить в своем маленьком городке, работая простым служащим.

А последствием этого неприятного инцидента для «Восход Хандельбанка» стала потеря им своей самостоятельности и преобразование его в отделение Внешторгбанка СССР.

ФРГ

В 70-х годах существенно активизировались экономические отношения СССР со странами Западной Европы, в частности с ФРГ. Был разработан так называемый проект «газ в обмен на трубы», строился трубопровод «Уренгой — Помары — Ужгород» для экспорта советского природного газа. В этих условиях и было признано целесообразным открыть советский банк в ФРГ. Показательным явилось выбранное название для банка — «Ост-Вест Хандельсбанк» (перевод с немецкого — Торговый банк Восток-Запад). Банк предлагали открыть во Франкфурте-на-Майне — финансовом и банковском центре ФРГ, так как этот город был идеальной отправной точкой для быстрого и успешного установления деловых отношений и развития операций банка с привлечением клиентов как в Европе, так и за ее пределами.

В 1972 году А. И. Дубоносова и меня направили для подготовки реализации этого проекта. Андрей Ильич был одним из старейших наших банкиров, имел богатый опыт работы в советских зарубежных банках — в Московском народном банке (Лондон) и в довоенном «Дальбанке» в Харбине (Китай). Его хорошо знали в европейских банковских кругах, что имело определенное значение для нашей работы, существенно облегчая установление полезных деловых контактов. Хотя, надо сказать, к тому времени Андрей Ильич был уже очень пожилым, серьезно больным человеком, перенесшим инсульт.

Мы сразу же столкнулись с осложнениями, подобными тем, что были в Швейцарии. Германский Федеральный банк (Бундесбанк) имел два руководящих органа, а именно, Совет Центральных банков (т. е. банков земель), находящийся в Бонне, и Совет директоров во Франкфурте-на-Майне. Германская банковская комиссия — третий орган, руководивший банковской системой, — находился в Западном Берлине. И туда нам тоже приходилось ездить. Наконец, в довершение всех трудностей, Посольство СССР располагалось тогда в Бонне, а наше торгпредство — в Кельне.

Нас очень хорошо встретили руководители крупнейших банков: Банка земли Гессен — уполномоченного представителя Германского Бундесбанка в этом регионе, а также крупнейших коммерческих банков — Дойче Банка (доктор В. Кристианс), Дрезднер Банка (Ю. Понто), Банка фюр Гемайнвиртшафт (В. Хессельбах). Коммерческие банки организовывали нам ознакомительные поездки в Гамбург, Мюнхен, Дюссельдорф и по Рейну, чтобы помочь быстрее и ближе узнать страну. Президент Банка земли Гессен встретил нас со словами: «Вы видите перед собой друга!»

Позже он рассказал нам, что провел 7 лет в советском плену в Сибири и искренне уважает русский народ, который жил после войны не легче, чем пленные.

Следует заметить, что в ФРГ тогда было довольно тревожное время: активизировались экстремисты, в Мюнхене во время Олимпиады были расстреляны израильские спортсмены, в своих домах были застрелены президент Дрезднер банка Ю. Понто и глава местного отделения Демократической партии, в ряде практических вопросов оказывавший нам помощь. Вспоминаю произошедший с нами тогда в аэропорту Кельна любопытный случай (прямых полетов во Франкфурт еще не было). Нас хотели подвергнуть тщательному личному досмотру в специальном помещении, но Дубоносов устроил большой «шорох», и, ссылаясь на свой статус, категорически отказался от этой процедуры.

Ост-Вест Хандельсбанк стал банком универсального типа, особым направлением деятельности которого было развитие и финансирование торговых операций между ФРГ, другими странами Запада — с одной стороны, и Советским Союзом и связанными с ним социалистическими странами — с другой. Эта основная задача нашла отражение и в Уставе банка.

Опыт установления необходимых контактов, проведения переговоров и другой подготовительной работы, а также подготовки соответствующих документов у нас уже был, и здесь обошлось без особых осложнений. При подборе местных кадров (советских специалистов было всего 3–4 человека) пришлось идти известным уже путем: публикации объявлений в прессе, встречи и беседы с претендентами, далее их оценка, надлежащая проверка и согласование кандидатур с последующим оформлением трудовых отношений, в соответствии с местным законодательством, что уже относилось к работе адвоката. Когда возник вопрос о поиске помещения для банка, к нам стали обращаться люди из местных деловых кругов. Среди них особую активность проявили занимавшиеся операциями с недвижимостью бизнесмены — Анита Микульски, перебравшаяся в ФРГ из ГДР, и Йозеф Орглер, польский еврей, бежавший от фашистов через Советский Союз в Израиль. Когда-то он участвовал в создании этого государства и в связи с этим стал его почетным гражданином. Нам было предложено арендовать несколько этажей в принадлежащем им большом здании в самом центре Франкфурта, находившимся, правда, еще на стадии строительства. Они планировали создать в этом доме «бриллиантовую биржу» в противовес Амстердаму. Так, с этой целью, в частности, планировка здания исключала возможность попадания прямого естественного солнечного света в окна, что мешало бы проведению надлежащей оценки качества драгоценных камней. Этот вариант оказался наиболее приемлемым, и с помощью специалистов и особо рекомендованного нам местными политиками адвоката, как крупного специалиста в области недвижимости — доктора Роллери, мы провели тщательный маркетинг объекта. Далее, действуя жестко, с большими

усилиями (нам устраивали настоящие скандалы, а потом всячески пытались задобрить, уверяя в вечной дружбе), мы добились очень выгодных условий аренды. Однако обосноваться в этом здании банк смог значительно позже, после окончания строительства. А до этого времени был арендован небольшой особняк в деловой части города.

После размещения банка в новом достроенном здании его владельцы стали клиентами банка, и первоначально с ними сложились хорошие деловые отношения. Но после того, как их амбициозный проект по созданию противовеса Амстердаму потерпел крах, они, оказавшись на стадии банкротства, стали широко прибегать к различным аферам, а также по отношению к нашему банку вести себя недобросовестно. Так, действуя мошеннически, они подменили объект залога — драгоценные камни, чем причинили банку значительный ущерб. Более того, при помощи упомянутого адвоката — «специалиста по недвижимости» Роллери, они пытались оспорить условия договора аренды с нашим банком. Эти действия не имели успеха, однако в последующем ходе расследования уголовного дела, возбужденного во Франкфурте по обвинению Микульски и Орглера в мошенничестве и аферах, нам пришлось иметь дело с прокуратурой города Франкфурта. По официальному запросу прокуратуры я выезжала во Франкфурт для дачи объяснений от себя лично и от имени Дубоносова, который не мог приехать по состоянию здоровья. Эти объяснения были приняты прокуратурой с пониманием, и на последовавшие заседания суда нас уже не вызывали. Микульски пыталась скрыться от правосудия, но была арестована и получила три года тюрьмы. Кстати, рекомендованный нам адвокат Роллери, сыграл в этом деле весьма неблагоприятную роль. Он отличился еще и тем, что упорно пытался познакомить нас с одним известным тогда невозвращенцем из СССР. 1 марта 1973 года «Ост-Вест Хандельсбанк» был открыт в торжественной обстановке, и на приеме по этому случаю присутствовали многочисленные представители деловых кругов ФРГ. Советскую делегацию возглавлял наш посол в ФРГ Валентин Михайлович Фалин.

Австрия

В коммюнике по итогам встречи руководителей Советского Союза и Республики Австрия было отмечено пожелание сторон о создании в Австрии советского банка. После принятого положительного решения в 1973 году в Вену для подготовки открытия банка была направлена группа работников Госбанка в составе руководителя В. И. Морсина, экономиста и переводчика Ю. Панферова и меня в качестве юриста. Замечу, что В. И. Морсин, бывший начальником одного из кредитных управлений Госбанка, ранее иностранными операциями не занимался и иностранными языками не владел¹.

¹ В. И. Морсин с 1970 по 1973 год был начальником Валютно-экономического управления Правления Госбанка СССР, членом Правления Госбанка СССР (прим. авт.-сост.).

Работали мы, как и раньше, в номере гостиницы, а также на частной квартире, которую снимали для встреч с австрийскими специалистами по вопросам аренды помещения и с потенциальными кандидатами на различные должности в будущем банке. Процедура приглашения и отбора кандидатов в состав штата банка была уже отработана в ФРГ и Швейцарии. К сожалению, со стороны наших официальных государственных представительств в Вене — посольства и торгпредства — так же, как и в ФРГ и Швейцарии, мы никакой помощи и поддержки не получали. В то же время нам оказывалось содействие и предоставлялись консультации со стороны руководства некоторых крупных коммерческих банков Австрии (Австрийский «Лендербанк» — представители доктор Й. Колеандр и директор В. Франц, Президент Первой австрийской сберкассы доктор Й. Таус и др.), а также ряда рекомендованных нам бизнесменов. Лишь однажды мы столкнулись с негативным отношением к нашей стране. Так, Президент крупнейшего банка «Кредитанштальт Банкферайн» господин Трайхель в ответ на приглашение на прием в советское посольство заявил: «Никогда не переступлю их порога!» При этом со стороны аппарата этого банка мы встретили благожелательность и готовность оказать содействие в оперативно-технической области.

Органом, ведающим делами банков в Австрии, было специальное подразделение Министерства финансов. С его тогдашним руководителем доктором Хаусхофером мы очень тесно и плодотворно сотрудничали. Он очень помогал нам при решении как принципиальных, организационных, так и технических вопросов. Доктор Хаусхофер долго находился в плену в Москве, которую он, по его воспоминаниям, видел только из окна фургона, отвозившего пленных на строительство домов в районах, названия которых они не знали.

Австрийские банкиры, приветствуя укрепление политических и экономических отношений между нашими странами, чему также, безусловно, способствовало бы открытие в Вене советского банка, предложили дать банку символическое название — «Донау-Банк» (перевод с немецкого — Банк-Дунай), что было затем одобрено нашим руководством. Вопрос поиска помещения для банка оказался в Вене не только сложным, но даже деликатным. Так, однажды, на просьбу дать рекомендацию в отношении подходящего нам дома, который находился неподалеку от синагоги, наш адвокат со смехом воскликнул: «Руководитель банка решил заняться торговлей тканями?!» Нам предлагали несколько роскошных в прошлом, но обветшавших особняков — настоящих дворцов времен Австро-Венгерской империи с великолепными парадными лестницами, прекрасными интерьерами с лепниной и потрясающим декором помещений, но эти варианты, конечно, даже не обсуждались. В конце концов, было решено остановиться на предложении бизнесмена Х. Пруши и арендовать необходимые для банка площади в его доме в престижном районе города на Ринге (кольце), опоясывающем центр Вены и находившемся недалеко от парламента и крупных банков. В этом здании ранее располагались не-

сколько офисов разных фирм и магазинов, которые были отселены. Позже уже работавший «Донау-Банк» купил очень хороший дом в центре города, тоже на Ринге, прямо напротив Штадтпарка со знаменитым памятником композитору Штраусу. В этом доме ранее размещалось главное полицейское управление («Полицай Президиум»).

В феврале 1974 года банк получил лицензию, и его первым Президентом стал В. И. Морсин. К сожалению, вскоре после открытия банк едва не обанкротился в результате выдачи очень крупного кредита без надлежащего обеспечения. Дело вскоре удалось урегулировать, но руководство банка было заменено.

После возвращения из Вены в 1975 году я перешла на работу в Международный инвестиционный банк (МИБ), где проработала в должности старшего референта Управления ресурсов до 1978 года. Участвовала в подготовке и оформлении соглашений по консорциальным кредитам, привлекавшимся МИБом в западных банках в связи с участием стран-членов СЭВ в проектах, имеющих большое народно-хозяйственное значение, в частности, в проекте газопровода «Уренгой-Помары-Ужгород». А еще, работая в банке, направлялась в Сингапурское отделение Московского народного банка, Лондон, где возникли серьезные финансовые проблемы. Систематические выезды в Сингапур мне пришлось совмещать с работой в МИБе до 1978 года.

Сингапур

В начале 1975 года М. Н. Свешников направил в Сингапурское отделение Московского народного банка, Лондон группу специалистов Госбанка во главе с председателем Внешторгбанка Ю. А. Ивановым. В эту группу включили и меня.

Как я уже отмечала, в Отделении возникли серьезные финансовые проблемы. На волне экономического бума в стране, сопровождавшегося высоким ростом деловой активности местных и хлынувших извне предпринимателей, повсеместно возникла потребность в больших объемах финансирования в виде привлечения кредитов. Отделение, поддавшись соблазну быстрого роста и обогащения, развило активную кредитную деятельность. Многочисленные кредиты, часто очень крупные, предоставлялись широкому и пестрому кругу клиентов без необходимой проверки их надежности и состоятельности. В результате сумма невозврата задолженности составила сотни миллионов сингапурских долларов. Руководитель Отделения В. Рыжков, разъезжая по всему свету, мало занимался делами банка. Вопросы кредитования были передоверены сингапурскому сотруднику — китайцу По Конг Тео (Poh Kong Teo). Он был принят в банк как специалист с хорошей рекомендацией американского банка, и в Отделении зарекомендовал себя положительно. Однако, видя беспорядок и безответственность в делах банка, он решил, вероятно, этим воспользоваться, и выдавал кредиты «налево и направо», конечно, недаром. При этом он был достаточно подстрахован, так как Рыжков «находил

время» визировать все протоколы кредитного комитета (кредитные решения).

В течение всего времени нашей работы в Сингапурском отделении, продолжавшейся в течение нескольких лет, мы тесно и плодотворно сотрудничали с адвокатами юридической компании «Ли энд Ли», особенно с Дэнисом Ли (Ли Ким Ю) — братом премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю.

Комиссия Госбанка пробыла в Сингапуре около трех недель, а я оставалась в Сингапуре несколько месяцев и периодически выезжала туда на короткие сроки до конца 80-х годов, отслеживая состояние отделения и движение обеспечения. На меня была возложена обязанность проверки состава и оформления кредитов, в чем мне помогал местный работник Отделения, заведовавший хранилищем. В Отделении числилось около 800 необеспеченных должников; залоговыми документами были забиты все шкафы хранилища — это были акции, гарантии и обязательства сомнительных и вовсе неизвестных компаний и лиц, морские суда и другие плавучие средства, годные лишь на лом, а также недвижимость сомнительного происхождения, которую по разным причинам невозможно было реализовать. Так, например, были заложены каучуковые плантации в Малайзии, но как только властям этой страны стало известно о залогах и попытках их реализовать, султан Малайзии издал указ об их национализации. В качестве еще одного примера должника банка, могу назвать крупного клиента Амоса Доу, который позже скрылся. Ему был выдан ряд больших кредитов для его многочисленных компаний в разных странах, и он также получил много кредитов в других банках (в местной прессе пытались дать делу политическую подоплеку, называя его агентом КГБ).

Для того чтобы не запутаться в горах документов, видах залога, в десятках китайских названий и имен, я разработала целую систему регистрации, учета и движений дел по разделам: земля, другая недвижимость, суда, гарантии и др. с именами клиентов-должников по алфавиту внутри каждой категории (эти тетрадки я до сих пор храню на память).

Виктор Владимирович Геращенко, назначенный управляющим Отделением, проводил многочисленные переговоры с должниками, в ряде случаев добиваясь мирового соглашения с частичным погашением долга. Мне приходилось выезжать в Малайзию для контактов с местными адвокатами, а сотрудники Отделения направлялись руководством в Индонезию и Австралию, где также находились некоторые объекты залогов. Дело Сингапурского Отделения рассматривалось в Верховном Суде в Москве, куда я была вызвана в числе свидетеля. На скамье подсудимых были четыре человека: два работника Госбанка и два сотрудника Отделения. Рыжков получил высшую меру наказания, двое других — разные сроки заключения, один был оправдан. Тогда же стало известно, что в Сингапуре появились слухи о «руке русских», якобы пытавшихся использовать громкое дело Отделения Моснарбанка для удара по имид-

жу банковской системы страны и «прячущих концы в воду». В связи с этим руководство Госбанка обратилось в высшие государственные инстанции с ходатайством о замене меры наказания Рыжкову. В результате она была изменена и назначен длительный срок лишения свободы. Власти Сингапура просили прислать Рыжкова для дачи показаний на месте. В этом им было отказано, однако адвокату Дэнису Ли разрешили приезжать в Москву, где в Бутырской тюрьме он мог встречаться и беседовать с Рыжковым, вести стенограмму и полученные сведения подтверждать под присягой в Сингапурском суде. С подобной практикой я не встречалась больше — ни тогда, ни позже. По договоренности с начальником тюрьмы Рыжкова к согласованному сроку этапировали в Москву, и мы с начальником Валютно-экономического управления Госбанка А. Г. Ворониным организовывали несколько таких встреч и присутствовали на них.

До конца 80-х годов я еще неоднократно выезжала в Цюрих и Сингапур, где продолжалось урегулирование вопросов, связанных с делами соответствующих советских заграничных банков.

А в 1978 году я была отозвана в Госбанк СССР и назначена на должность начальника Юридического отдела Главного валютно-экономического управления. В этой должности и проработала до 1986 года, когда по семейным обстоятельствам ушла на пенсию. В 1996 году вновь вернулась в Госбанк и проработала там до конца 2006 года старшим юрисконсульт-ом отдела заграничных банков Департамента иностранных операций.

